

К.И. Иванов (Минск, БГУ)

**ПЕРЕВОД КАК ИНДИКАТОР МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ
АСИММЕТРИИ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ**
(рассказы Ивайло Петрова на болгарском,
белорусском и русском языках)

Изучая иностранные языки, мы стремимся усвоить новую систему соответствий между понятием и языковым знаком и обращаем особое внимание на те случаи, при которых грамматические средства языков для выражения одного и того же содержания различаются. Асимметрия структур в межъязыковом плане особенно рельефно видна при сравнении оригинально-

го текста и его функционального переводного эквивалента на целевой язык. Богатые возможности для работы в таком направлении дает сравнительный анализ текстов рассказов болгарского писателя второй половины XX века Ивайло Петрова и их русских и белорусских переводов (по И. Петров. *Избранное*. - М.: Радуга, 1987 и «Полымя», №11.1997). Выбор автора обусловлен широким использованием разговорных конструкций, разнообразным стилистическим спектром лексических средств, ярким национальным колоритом содержания его творчества.

Уже первое предложение рассказа «Артист»: *Миналата есен ходих по моя край* дает информацию о существенных расхождениях в грамматическом строе болгарского и двух языках перевода: *Прошлой осенью побывал я в родных краях. Минулай восенню я ездзіў на радзіму*. 1. Появление личного местоимения именительного падежа связано с обязательностью его выражения в функции подлежащего в русском и белорусском; 2. Падежные формы имен указывают на типологическое различие — синтетический характер русского и белорусского языков и аналитизм (отсутствие падежей в именной парадигме) болгарского; 3. Наличие членных форм имен и местоимений в болгарском языке: *миналата, моя*, противопоставленных общей форме: *минала, мой*. В восточнославянских языках категория определенности передается не членными морфемами, а другими средствами — порядком слов, указательными местоимениями, интонацией; 4. Несовпадение семантической структуры формально близких лексем — болгарский глагол *ходя* в одном из значений может обозначить и движение, перемещение при помощи транспортных средств. В то же время белорусская лексема *радзіма* вбирает в себя не только значение ‘родная страна’ (как у болгарского слова *родина*), но и более конкретное — ‘место рождения кого-либо; место появления, возникновения чего-либо’. Рассказ «Артист» интересен еще тем, что в нем автор передает подслушанный им за закрытой дверью диалог — спор двух заядлых игроков в нарды (болг. *табла*) — его знакомых (дядя Митю и священник Костадин). В запале борьбы они многократно обвиняют друг друга в нечестной игре и это ставит перед переводчиками задачу искать разные лексемы и выражения, относящиеся к семантическому кругу «Обман». В болгарском тексте видим следующие обозначения: *не можеш ме измами* (*измамя* — обмануть, надуть), *ти шикалкавши* (*шикалкавя* — вилять, кривить душой, юлить), *лъжеш като циганин* (лжешь, врешь как цыган), *манга си* (*манго* — пренебрежительное прозвище цыган), *мошеник си ти* (мошенник, жулик), *дяволуци правиш* (хитришь, лукавствуешь). В переводных текстах находим следующие соответствия: русские (пер. Татьяны Колевой) — *не проведешь меня, ты плутуешь, жульничаешь не хуже цыгана, враль и хулитель, мошенник, махлюешь, брешешь* и белорусские — *не зможаш мяне падмануць, ты мухлюеш, хлусіш як цыган, ты ўсё прыдумляеш, ты — манга-завіранга, махляр ты, хітруеш*. Отметим творческий подход белорусского переводчика (Валентины Куляшовой) при передаче лексемы *манга* — ее сохранение с включением в рифмованную дразнилку и с объяснением под линией: ‘пагардлівая мянушка цыган’. Эмоциональная насыщенность ситуаций в рассказе (игра, неожиданная развязка — оказывается, что все реплики диалога придумывал и произносил один из предполагаемых участников в отсутствии другого) объясняет частое

появление в тексте форм особого глагольного наклонения выражения удивления — адмиратива: *Голяма драка си бил!* (*драка* — колючий куст, здесь — большой задира); *Издаде адово си бил ти!*; *Ти си бил истински артист!* Буквальный перевод формальным эквивалентом *Ты был (Ты быў)* не может передать модальное значение и является ошибочным. В русском и белорусском языках, при отсутствии специализированных грамматических форм, адмиративное значение выражается экспрессивными лексическими и синтаксическими средствами, особую роль играет и интонация, о чем свидетельствуют переводы: *Просто занозист ты больно! Издаде адово! А ты у нас артист!*; *Ну, і надаеда ж ты! Ты параджээнне пекла! Ты — сапраўдны артыст!* Разговорность как отличительная характеристика рассказа «Артист» дает возможность для сравнительного исследования языкового оформления определенных типов речевых актов, например несогласие (– *Да имаши да вземаши!* (фразеологизм — букв. тебе предстоит брать). *На дядя ти попа таква не минават.* (у твоего отца-бабушки такое не проходит): — *Еще чего? Со мной этот номер не пройдет.*; — *Як жа, трымай кішэнь шырэй! Такія нумары ў папоў не праходзяць.*; *угроза: Да те натупам и сега, та да ти държи влага цял живот...* (*натупам* — отдубасить, отгузить); *Ще ти бухна един* (*бухна* — ухнуть, хлопнуть): *Так ужо тебе раздолбаю, всю жисть помнит будешь; Вот как шаралну...- узнаешь!...: Вось адтужу цябе на развітанне, каб усё жыццё вілгаць не адыходзіла...; Зараз як урэжу табе..., дык убачыш...* Наличие в оригинале глагольных форм с сопроводительной частицей *си* и отсутствие в переводах ее формальных соответствий не случайно. Добавление частицы привносит в значение глагола элемент замыкания действия или состояния в личной сфере субъекта. Сфера употребления такого маркера «интимности» и «доверительного характера» речи в болгарском языке значительно шире и переводы дают информацию об этом: 1. *Аз честно си играя*; 2. *Докато хвърлиш две и четири, аз ще си ги оберая*; 3. *В самотията, момче, човек е такъв, какъвто си е. Истински.* : 1. *Я честно играю; Я граю сумленна*; 2. *Пока тебе выпадет два и чека, я все фишки слопаю; Пакуль табе выпадуць дзве і тры, я ўжо ўсе фішкі зграбу!* 3. *В одиночестве, сынок, человек весь как на ладони. Взправдашний! У адзіноце, хлопча, чалавек такі, які ёсць.Сапраўдны!* Норма языков перевода требует упущения глагола *есть (быть)* в настоящем времени при его обязательности в оригинале. Последний пример показывает возможности перевода для установления расхождений и в области речевого этикета. Статусное распределение ролей реализуется в лексемах с различиями в наборе значений: болг. *момче* (звательная и общая форма совпадают) — мальчик, молодой человек, юноша, помощник в каком-то деле, в обслуживании клиентов, белор. *Хлопец* — молодой человек, юноша, неженатый мужчина и *хлопча* — звательная форма, свойское обращение к молодому мужчине, русск. *сынок* — 1. уменьшит.- ласк. к *сын* и 2. в обращении пожилого или взрослого человека к молодому мужчине, юноше, мальчику. К существенным отличиям грамматических систем болгарского и двух восточнославянских языков относится наличие в первом особого пересказывательного (несвидетельского) наклонения. Главная функция форм этого наклонения — характеристика действия как не наблюдаемое, не непосредственно воспринимаемое говорящим, а известное

ему со слов другого лица. Формы пересказа используются в диалоге и для оценочной передачи и цитирования высказываний собеседника с оттенками сомнения, недоверия и активно выраженного несогласия. В анализируемом тексте оригинала встречаем именно такое употребление: 1. *Ти хвърляш чифтове, на мен вървяло!* (в предыдущей реплике собеседника: *Върви ти зарът...*); 2. *Взел ми бил сто лева!* (в реплике собеседника: — *Ами кога грабнах стоте левчета. Забрави ли?*). В переводах отсутствие структурных соответствий компенсируется опорой на широкий контекст и конситуацию и экспрессивными языковыми средствами: 1. — *Просто тебе везет... — Это мне-то? У самого дублеты...Во! Видишь-опять!*; — *Тебе, здаецца, ишэнціць... — Вось дык нумар! Цот выпадае табе, а ишэнціць, выходзіць, мне?*; 2. — *А помнишь сто левов, которые ты мне проиграл? — Подумаешь, сто левов ему проиграл!*; — *Ты, мабыць, запамятаваў, як прайграў мне сотню леваў? — Сто леваў ён выйграў.* Прагматика организации диалога предопределяет выбор разных лексем для выражения одной и той же коммуникативной цели: — *Ча-ка-ай!* (императив от *чакам* — ждать, в значении несогласия с действием собеседника с призывом остановить его) и — *Стой!* (в переводах) Некоторые модальные значения закономерно передаются разноразноуровневыми единицами (напр. желательность — *Една кокошка да беше заклал.* (оптативная частица *да* + плюсквамперфект): *Курицу бы хоть зарезал. — Хоць бы курицу зарэзаў* (сослагательные конструкции). Хороший материал для иллюстрации межъязыковой асимметрии в области выражения модальных значений предоставляют и переводы рассказа «Леля се гоद्याва» («Тетина помолвка»; «Цётчыны заручыны»). Здесь сюжет рассказан как воспоминание мальчика о переживаниях в семье, связанных с ритуальными действиями в болгарской народной свадебной традиции. Ожидания о будущих действиях несут печать предсказуемости и неизбежности. Поэтому часто встречаются формы будущего времени в прошедшем: 1. *Сякаш него ден щеше да има голям празник*; 2. *Най-много мислех за четичките, които щеше да ми даде лелиният годеник на сватбата*; 3. *Сватовниците цяха да поискат едничката му дъщеря.* Семантика действия при отсутствии формального соответствия передается с помощью контекста и глаголов определенного круга: намечаться, предвидиться, собираться, намереваться, модальными конструкциями долженствования: 1. *Будто в доме намечался большой праздник*; *Быццам гэты дзень навінен быў стаць днём вялікага свята*; 2. *Больше всего думал о туфельках, которые должен был мне подарить тетин жених*; *Больш за ўсё я марыў пра чаравікі, што збіраўся надараваць мне цётчын жаніх на вяселле.*; 3...*для сватов, которые собирались просить у него единственную дочь*; *Сваты, якія ехалі на руку адзінай ягонай дачкі.* В примере 1 встречается разговорное употребление полной формы личного местоимения третьего лица в функции указательного, что не является присущим для русского и белорусского языков. Эти примеры являются только частным случаем более существенного проявления асимметрии в системе глагольных времен индикатива — у болгарского глагола выделяются одно настоящее, четыре прошедших и четыре будущих времен. В русских и белорусских переводах увеличивается роль глагольного вида, а для выражения некоторых нюансов значения необходимо использовать дополнительные

лексические средства: *Такава трапеза не бяхме виждали* (прошедшее предварительное время в обобщающем значении отсутствия результата неосуществленного действия) *в нашия дом*. — Мы такую трапезу *видели впервые* в этом доме. — *Падобнай трапезы мы ў нашай хаце ніколі не бачылі*. В то же время унификация модели перевода отличающихся по компонентному составу глагольных конструкций оригинала может сигнализировать о существующей в переводящем языке специализированной грамматической форме. Такова ситуация употребления форм прошедшего времени совершенного вида в русском языке с частицей *было* (“прошедшее отмененного действия”): 1. *Тате едва не прихна да се смее*; 2. *Дядо рече да се засмее, а скръъна с гърлото*. : 1. *Папа чуть было не расхохотался — Тата ледъ стрымаўся ад смеху*. 2. *Хотел было засмеяться, но что-то проскрипело у него в горле*. — *Хацеў засмяцца, але гук атрымаўся падобны да скрыпу*. В зависимости от конкретного случая и семантики глагола в болгарских текстах на месте упомянутой конструкции могут находиться такие соответствия: 1. *понечи да, рече да, току да, тъкмо да, насмалко да, искаше да* + глагол, *но...*; 2. *едва не* + глагол; 3. форма плюсквамперфекта + *но* (уже было решил, что... — *беше си помислил, че...*). О межъязыковой асимметрии здесь можно говорить только в паре болгарского с русским языком.

Наиболее многочисленны — различия между болгарским и двумя упомянутыми славянскими языками в лексике и фразеологии. При помощи переводов устанавливаются безэквивалентные слова (*кака* — старшая сестра, *хрантутя* — кормить, обхаживать кого-л., не заслуживающего этого, *отсрамя се* — оказать кому-л., обычно гостям, нужное уважение и внимание) и словоформы (деминутивы *височка, сегинка, левчета* (мн.ч.) (от *висока* — высокая, *сега* — сейчас, *лев* — название болгарской денежной единицы), выявляются этноспецифичные выражения (*Не сме по-големи от хляба, я!* (букв. Мы, ведь, не больше хлеба! = Не откажемся сесть за стол, если приглашаете, не обидим вас; *Кое време стана?* (букв. Какое сейчас время? = Уже довольно поздно). Контрастивное сопоставление текстов с идентичным содержанием помогает проникнуть в глубь национально-языковой специфики, а учет бинарных межъязыковых соотношений позволяет избегать ошибок, вызванных причинами интерферентного влияния.